

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

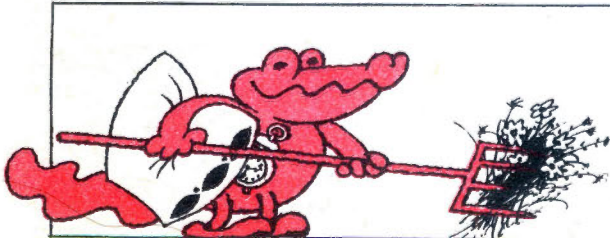
№ 3

ЯНВАРЬ 1989

— В понедельник, дорогой, пропадет уксус, минтай, «Завтрак туриста»...

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

«Я — лошадь: я питаюсь стоя», — пишет Тамара Жирмунская в своем руководстве, как похудеть. Эти и другие ее стихи читайте на стр. 7.

ДОМОСТРОЙ XX ВЕКА

Письмо молодого архитектора

Дорогие друзья! Прочитал в «Крокодиле» №28 об открытии новой рубрики, где можно будет высказаться по проблемам творческой молодежи, и решил откликнуться.

Думается, нет нужды доказывать, что наша архитектура больна: достаточно выйти на улицу и поглядеть вокруг. Общий кризис, поразивший искусство, не минул и зодчество. Впрочем, искусство ли это? Вопрос не такой праздный. Недаром в ЦДРИ при проведении вечеров творческой молодежи все никак не могут решить — стоит или нет приглашать студентов-архитекторов?

Словари утверждают, что зодчество является одним из видов искусства, а внешний вид зданий убеждает в противном. Поэзия и живопись, кино и музыка проходят испытание временем, и людям остается лучшее. Из архитектуры же остается все, все стоит и будет стоять, кроме, конечно, того, что взорвали ревнивые борцы с чуждым культом. Архитектура — лучший памятник любой эпохи, всегда наиболее точно выражающий свое время. Из семи чудес света до наших дней дошли только пирамиды в Египте — может быть, именно потому, что находятся в Египте, а не в пределах Садового кольца. Хотя и на Садовом есть свои пирамиды — высотные здания на пл. Восстания, у Красных ворот, МИД, — сомасштабные своей антигуманностью вождю всех времен и народов. Знаменитые пятиэтажки шестидесятых не такие прочные, но ведь тоже стоят. А можно ли придумать лучший символ застоя, нежели недостроенный памятник погибшим миллионам народных рублей на Поклонной?

Что же собираемся мы, наше поколение, оставить в назидание потомкам, какую архитектуру будут называть «перестроечной»? На этот вопрос пока нельзя ответить. Изменения в арх. цехе происходят гораздо медленней, чем, например, в кинематографе.

Давайте посмотрим, что же представляет собой современный молодой архитектор. Следует отметить сразу, что он скромнен (как правило) и зодчим всерьез себя не называет, да и гордое слово «архитектор» тоже часто заменяет на слово «проектировщик», шипящее окончание которого безошибочно указывает на подчиненное положение.

Больше половины молодых архитекторов — женщины, меньше половины носят бороду. Но не такую окладистую, как художники, ибо в отличие от них сидят на окладе. Оклад небольшой, но гарантированный, вне зависимости от того, построит что-либо или нет из проектов, ими созданных. Главное, чтобы заказчик принял проект, а дальше уже

его дело. Поэтому множество невоплощенных проектов пылится в архивах, или, как говорят архитекторы, «идет в корзину».

Расценки на проектные работы по сравнению с художественными очень низкие. Скажем, проект клуба может стоить дешевле, чем мозаика, украсившая (или обезобразившая) его фасад. Расценивается проект вне зависимости от того, будет ли построен один дом, два или десять тысяч, или не построен вовсе. О гонорарной системе оплаты архитекторы уже не мечтают. Сейчас институты переходят на хозрасчет, но при действующих ценах на проектные работы (раза в два ниже, чем во всем мире) и больших накладных расходах на содержание аппарата материальное положение молодых архитекторов вряд ли изменится.

Но не будем сосредоточиваться на экономике, гораздо важнее творческая сторона. Здесь дела обстоят еще хуже. Нет ни одного вида искусства, регламентированного так строго, как зодчество. СНиПы, инструкции, указания и ГОСТы сократили поле творческой деятельности до размеров детской песочницы. А чиновники, обступившие это поле плотной стеной, строго следят за действиями архитектора. Минстрой, Госстрой, Госкомарх, ГлавАПУ — имя им легион, власть в их руках.

Впрочем, чиновников молодой архитектор не видит — у него есть свои начальники. А так как начальников много, а техников нет, то первые годы архитектор выполняет чисто техническую работу, компенсируя нехватку выпускников техникумов и соответственно забывая, чему же его учили в институте пять с половиной лет.

Поэтому, отработав свои три года по распределению, наиболее творчески активные уходят в дизайн, в реставрацию, в кино и т. д. Широко известны имена музыкантов и поэтов, режиссеров и художников, имеющих диплом архитектора, этаким экспорт таланта и интеллекта. А теперь попробуйте назвать хотя бы одного поэта или художника, добровольно ушедшего в архитектуру! Может быть, это потому, что нас, архитекторов, много?

Как бы не так! В нашей стране архитекторов в процентном отношении к населению в 5—10 раз меньше, чем в других странах, а конкурс в МАРХИ — всего полтора-два человека на место, и трудно поверить, что бывали времена, когда конкурс был в шесть раз больше. Престиж профессии был утрачен в годы «борьбы с излишествами», то есть относительно недавно.

Давайте теперь посмотрим на тех архитекторов, которые, не считаясь с отсутствием престижа, остались работать в архитектуре.

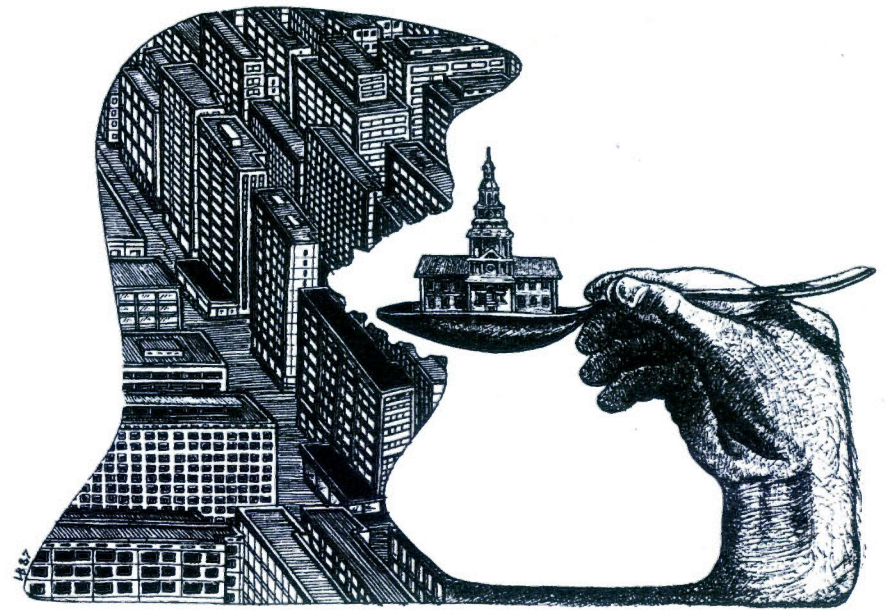

Рисунок И. ЗАРЧЕНКО.

Для них главные творческие потребности удовлетворяются в свободное от службы время. Одни участвуют (и выигрывают) в международных конкурсах, если, конечно, вовремя узнают о них, что довольно сложно в силу нерасторопности профессиональной прессы. Конкурсы бывают концептуальные, что-нибудь вроде «хрустальный дом XXI века», и в них, на уровне «бумажной архитектуры», советская архитектура вполне конкурентоспособна. Открытые конкурсы проводит и Союз архитекторов, но вот беда — выигравшие проекты, как правило, не воплощаются. Это неудивительно, если учесть, что Союз архитекторов — организация сугубо творческая и власти не имеет, а стало быть, повлиять на застройку не может.

Другие молодые архитекторы уходят в проектные кооперативы. Реальной конкуренции государственным институтам они пока не составляют, ибо ничтожно их число, да и задачи ставят небольшие, реально выполнимые.

А теперь несколько чисто профессиональных моментов. Знаете ли вы, что 90% архитекторов работают с треугольниками и рейсшинами, вырезанными вручную умельцами? Точность ортехники фабричного изготовления не годится даже для школьников. О таких новациях, как графопостроители или компьютерное проектирование, пока говорить не приходится, дабы не расстраиваться попусту.

И самое главное — без качества строительства не может быть качества архитектуры. Поэтому если мы уже сейчас читаем журналы, смотрим фильмы, рожденные перестройкой, то новую архитектуру будем лицезреть нескоро, и необходимо сейчас всерьез взяться за зодчество, чтобы дети наши жили в удобных, красивых домах, красивых не только изнутри за счет обилия ковров и мебели, но и снаружи.

Что же конкретно можно сделать?

Дефицит жилья огромен, его нельзя сравнить даже с дефицитом на одежду. Но в легкой промышленности совместные предприятия стали обычным явлением, а в строительстве до сих пор сотрудничество с зарубежными фирмами было лишь на интуристовских объектах типа Хаммеровского центра или гостиницы «Космос». Сейчас было бы целесообразно организовать совместные проектно-строительные фирмы — специально для массового жилого строительства. Необходимо оснастить новейшей технологией и проектировщиков, и строителей, стимулировать новые организационные формы: проектно-строительные кооперативы, акционерные фирмы. Вот где молодые могут приложить свои дремлющие силы!

Нельзя поспешно уродовать страну непродуманной «экономичной» застройкой. Так мы проблем не решим, а лишь переложим на плечи потомков, как вышло с пятиэтажками шестидесятых годов (которые оказались очень неэкономичными в эксплуатации, и сейчас мы вынуждены их модернизировать, утеплять и укреплять). Скупой платит дважды, а глупый — трижды.

И, безусловно, необходимо ликвидировать диктат бюрократа при фактическом бесправии архитектора-творца. Что построить — должен определять заказчик, а КАК — архитектор; сегодня же эти КАК и ЧТО определяет чиновник.

А пока окружающие нас здания высятся как памятники архитектурЕ, безвременно ушедшей от нас...

Василий ГАВРИЛОВ,
ведущий архитектор научного
проектно-строительного
объединения
«Монолит».

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

ЭФФЕКТ СВОЕГО ПОЛЯ

Подряд арендный в селах побеждает. Оно понятно: на поле ничем Колхозник регулярно выступает, А арендатор — только на своем!

Б. Коган, электрослесарь, г. Москва.

Доклад — безбрежный океан: То буря в нем, то штиль, то волны. Но если суть собрать в стакан, То он окажется неполный.

В. Лях, учитель физики, хутор Нижний Попов Ростовской обл.

ЦЕХОВАЯ ЭКОЛОГИЯ

Парит всегда в высокой сфере Наш профсоюзный царь и бог. Да снизойди же к атмосфере, Что отравляет каждый вздох!

Ю. Лобов, электрослесарь, г. Курган.

ДЕМЬЯНОВА УХА

Демьян соседа угощал с утра. Кормил икрой, ухой из осетра. За что? О том узнали скоро: Сосед — инспектор рыбнадзора!

ВОЛК И ЯГНЕНОК

Ягненку — Волк: «Вы ревизор из треста? Ручей и вы! Для вас ли это место? Пускай здесь пьют Осел или Баран!» И поволол Ягненка в ресторан.

В. Зубихин, слесарь, г. Волгоград.

СКОРОГОВОРКИ

Мало Мила мылом мылась. Изумлялась Мила — смылись Мыл дешевые сорта. Дорожает чистота!

* * *

На траве двора
Гарь и треск костра,
Дров горит гора —
Тару жгут с утра.

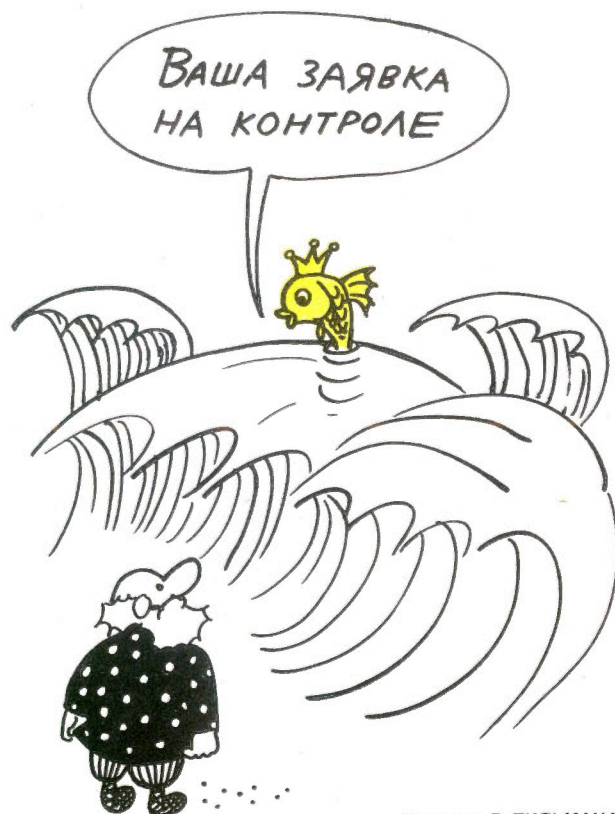
И. Калитина, библиотекарь, г. Москва.

Пусть помнит об этом
Хозяин любой:
Готовь сани летом,
А сахар зимой!

М. Саитов, садовод, г. Свердловск.

— Совет класса постановляет...

У НАС В ОБРАДОВСКЕ

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ,
написанная их очевидцем П. И. Неустроевым

Глава 1

Серый хищник подает голос. Лихой пошвист метлы. К вопросу о трепетных созданиях. Не надо спорить с автором. Посланец центра расслабляет ремешок.

Как уже сообщалось в центральной прессе*, с наступлением в 1986 году июльского полнолуния, когда диск естественного спутника Земли и очертаниями, и скорбно снисходительной ухмылкой своей приобрел окончательное сходство с физиономией заведующего плодовоощной базой Никодима Ивановича Капустянца, по славному райцентру Обрадовску поползли слухи, будто в городском парке имени Степана Разина стал выть волк.

Не знаю, как у вас, а в Обрадовске принято верить слухам. И для этого есть основания. Вот хотя бы такой факт. О снятии с поста нашего, теперь уже бывшего, мэра Василия Даниловича Гамова куда как задолго стали поговаривать. Ни одного вроде даже облачка, не то что тучки, на его служебном небосклоне тогда не просматривалось. Тем не менее сбился народный прогноз, поначалу никак не укладывавшийся в голове. Рухнул Василий Данилович, что называется, в одночасье.

Как всегда свежесвыбритый, благоухающий заграничным лосьоном «Spartacus» бодрым пружинистым шагом вышел он ровно в восемь тридцать из своего подъезда и протянул руку, чтобы открыть дверцу персональной «Волги». (Надо отметить, наш бывший мэр отличался демократизмом в общении с нижестоящими и категорически запретил своему шоферу оказывать эту немудрящую услугу, чем, кстати, весьма обидел доброго малого). Так вот, протянул он руку да так и застыл с протянутой рукой: машины не было. Недоуменно повел Василий Данилович очами по сторонам, но и там она не обнаружилась. Тугие розовые щеки товарища Гамова вспухли багровым румянцем от справедливого негодования. Еще бы, нарушался главный принцип, им исповедуемый.

— Первопричина наблюдающейся разболтанности районного хозяйственного механизма, — любил повторять он назидательно и с трибуны и в ходе доверительных бесед, — кроется именно в низкой исполнительской дисциплине и отсутствии пунктуальности при осуществлении элементарных служебных функций. Какими бы прекрасными производительными силами мы ни располагали, но если человеческий фактор позволяет себе опаздывать к станку или отвлекаться в процессе производственной деятельности на совершение известных злоупотреблений, вряд ли в такой ситуации можно рассчитывать на то, что сегодня будет лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня...

Уже пять минут простоял недвижно Василий Данилович на крыльце, а машины все не было. Перебрав все оттенки первой части спектра от розового до кумачового, его пышущее гневом лицо готово уже было приняться испускать инфракрасное излучение, но тут за углом дома послышался лихой пошвист метлы, затем показалась она сама, а через мгновение и ловко управляющая ею дворничиха Екатерина Петровна, которую мэр в силу присущего ему демократизма по-простецки звал тетей Машей.

Производя своим примитивным орудием труда поистине реактивные движения, дворничиха стремительно приближалась к крыльцу. «Умеют же красиво работать наши современницы!» — несмотря на душивший его гнев, невольно отметил про себя товарищ Гамов, и взор его потеплел. Но тут жесткая метла шваркнула по его начищенным до блеска ботинкам, и тетя Маша неожиданно громким голосом гаркнула:

— Чаво расстоялись тут? Аль не видите — мету?!

— Я... я... — только и успел пробормотать ошарашенный мэр, как тетя Маша перебила его язвительно:

— Чай не слепая, вижу, что вы. Кто же еще пеньком стоять будет, не пошевелится, когда чистоту для вас же, охломонов, наводят?

— Ну, знаете! — начал приходить в себя Василий Данилович. — Вы что это, тетя Маша, себе позволяете? Уж не в алкогольном ли вы опьянении?

— Трезва я, касатик, трезва, — ехидно пропела дворничиха. — А вот вы, видать, с утра накачались. Ишь, одеколонищем как разит! Людей не узнаете. Какая я вам тетя Маша, когда я уж шестьдесят шестой годок Екатерина Петровна. Работающая, между прочим, ветеранка труда, почти что мать-героиня. А вот с вами, голубок, еще надо разобраться...

— Да как вы смеее таким недопустимым тоном со мной разговаривать! — повысил голос Василий Данилович, стыдясь, что обстоятельства вынуждают его изменить той доверительной манере, в которой он взял себе за правило вести беседу с рядовыми избирателями.

— А вот и смею! — нахально ухмыльнулась тетя Маша, так непредвиденно для Василия Даниловича оказавшаяся Екатериной Петровной. — Потому как не оправдали вы, товарищ Гамов, доверия трудящихся, не сумели сберечь в чистоте звание народного избранника. Вот мы и порешили отозвать вас с высокого поста. Чтoб без толку, значит, не протирали штанов в руководящем кресле. Сообщение об этом по радио в шесть утра сделали, да вы, небось, еще почивать изволили. Ну, ничаво, в газетке тоже пропечатают...

Допускаю, что здесь возможный читатель моих записок недоверчиво покрутит головой:

— Эка загнул автор! Да ни в жизнь не поверю, чтобы простая дворничиха позволила себе по-хамски разговаривать с мэром, пусть даже и бывшим. Во-первых, она — женщина, значит, создание нежное и деликатное. Во-вторых, чего это она так разошлась, если и раньше, согласно руководящим рекомендациям, имела полное право высказать любому должностному лицу все, что думает о негодном стиле его работы? Так что совсем необязательно было ей ждать, пока В. Д. Гамова снимут с высокого поста. И, наконец, очень сильно сомневаюсь, что сам мэр, как утверждает автор, ничегошеньки не знал о готовящейся отставке.

Ну не скажите! Всякое бывает в жизни, и эпизод с дворничихой мною ничуть не выдуман. Чтобы развеять малейшие сомнения в его достоверности, сообщая, что его не единожды воспроизводил сам Василий Данилович Гамов после завершения игры в лото, которой он самозабвенно предавался, выйдя на заслуженный отдых, в компании бывших своих сподвижников. Когда кто-нибудь не отпускаясь из дома сварливой супругой, место отсутствующего позволялось занять мне. А дословно запоминать все говоренное, это, уж извините, моя профессиональная привычка.

Если вышеприведенный довод не убедил тебя, читатель, постараюсь опровергнуть твой возражения по пунктам.

Итак, сначала насчет нежных и деликатных созданий. Да, женщины у нас в Обрадовске именно такие. Более того, они еще и возвышенные, очаровательные, трепетные, легкоранимые, мятущиеся натуры, что, однако, не мешает некоторым из них (да что там некоторым — абсолютно всем!) быть иногда сущими каракатицами. «Взять мою Катерину, — недоуменно разводил руками супруг той же дворничихи Леонтий Михеевич, прозванный за многодетность Папой Римским, — грех жаловаться, баба она по натуре добрая, но уж шибко чувствительная. Чутко ослабло к ней сексуальное внимание, становится агрессивной, ну что твой Эйзенхауэр!» (Естественно, фамилии американских президентов Леонтий Михеевич с годами заменял).

Теперь по поводу свободы критики. Этим правом обрадовцы тоже не обделены. Только воспитанные на поучительных прецедентах, они мужественно подвергают остракизму исключительные лица, уже сошедших с исторической сцены, а вот деяния сиюминутных начальников неизменно вызывают у них умиление. Случается, иной веселого нрава администратор даже специально какую-нибудь глупость сморозит, а все равно раздается окрест восхищенный возглас: «Ваше последнее откровение восприняли всем сердцем. Единодушно и горячо поддерживаем, одобряем и обязуемся!» Улыбнется сначала весельчак-администратор: «Ишь ты, здорово я их, простаков, разыграл!» А потом, услышавши, как этот возглас целую неделю повторяют и старье, и малые, да с выражением, от души, задумается и вздрог к вящему своему изумлению обнаружит, что вовсе и не глупость он сморозил, но высказал суждение весьма здравое, при некотором же снисхождении и вовсе мудрое. Правда, на новом историческом витке, когда действующие лица поменяются и начнет функционировать диалектический закон «отрицания отрицания», все равно выяснится, что глупость она и есть глупость, из каких бы уст ни вылетела. Вот тогда — и только тогда! — открывается широчайший простор для здоровой, ядерной критики.

Нет, уважаемый читатель, с автором лучше не спорить. Но все-таки, чтобы быть до конца объективным, признаюсь: в эпизоде с дворничихой я действительно несколько изменил правде жизни, заставив бедную Екатерину Петровну изъясняться покалеченным русским языком. Однако к этому побудили меня суровые правила хорошего литературного тона. Если в современном производстве появляется пожилая, а тем более старая женщина, представительница какой-нибудь массовой профессии, как-то: колхозница, ткачиха, бульдозеристка, шпалоподбойщица, ну а тем более дворничиха, она просто обязана иметь в своем лексиконе слова «энтот», «радио», «сообщение» и еще нежно любимое всеми прозаиками отлагальное существительное «сумление»...

Косноязычно (теперь понятно, почему), без надлежащих официальных формулировок изложила дворничиха Василию Даниловичу сообщение о его отставке, но он сразу поверил ей. «Любят обрадовцы низвергать кумиров, которых сами же с любовью сотворяют!» — с горькой укоризной подумал мэр, теперь уже бывший, и взор его невольно затуманился. Он вынул платочек из нагрудного кармана и аккуратно промокнул им уголки глаз. И камень растаял бы, наблюдая за этими трогательными действиями еще вчера гордого в осозна-

* См. «Крокодил» № 22, 1987 г.

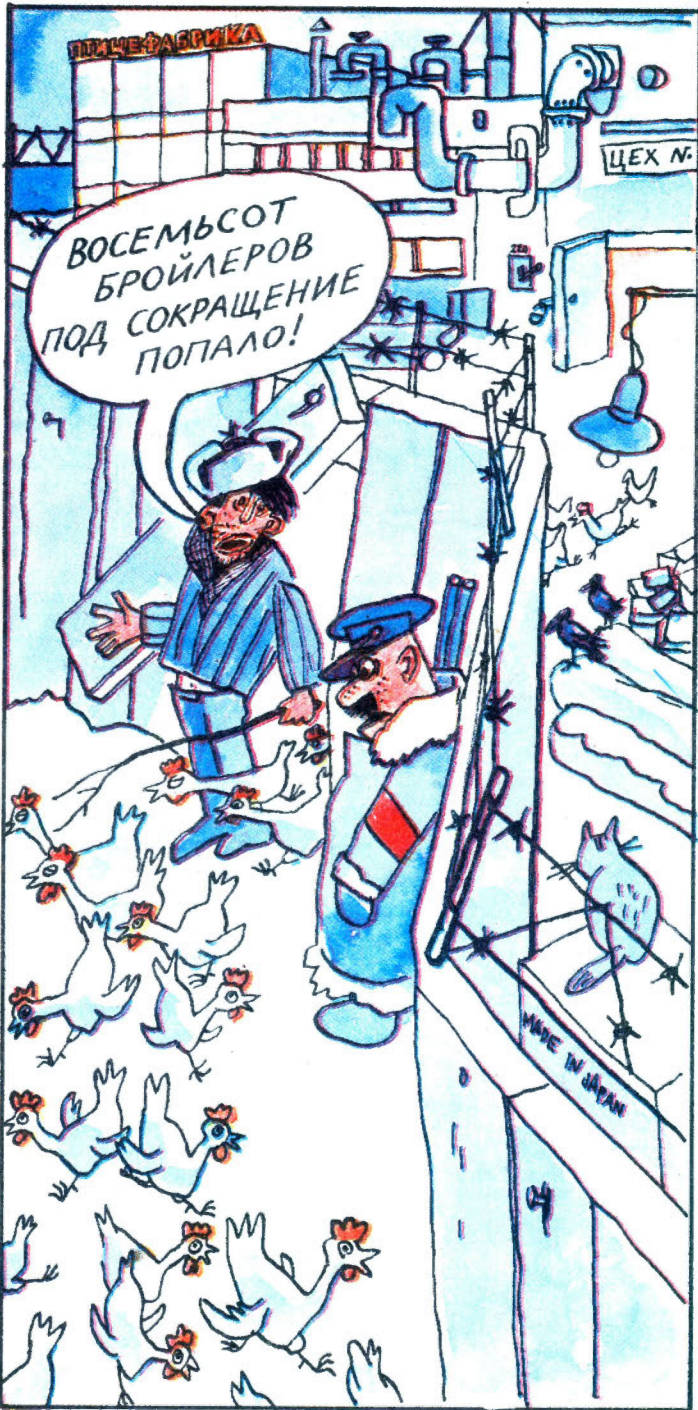
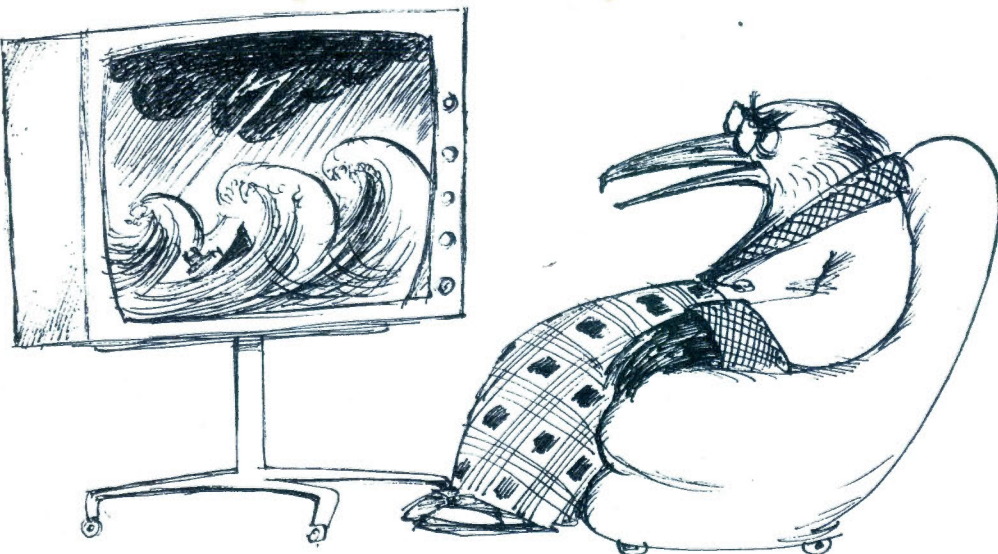

Рисунок С. СПАСКОГО.

— Что это они так веселятся?
— Да у соседей, что взяли семейный подряд, сдохла свинья!

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

БУРЕВЕСТНИК: Пусть сильнее грянет буря!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ.

— Брось меня! Одна ты быстрее дойдешь до прилавка.

Рисунок Р. ДРУКМАН.

нии великой своей значимости администратора, можно сказать, властителя бытовых и жилищно-коммунальных дум населения целого города. Вот и у дворничихи легким минорным перезвоном отозвались добрые струны души, и, шмыгнув пару раз носом, она заговорила снова своим прежним, не без приятности, голосом:

— Да вы не шибко-то печалуйтесь, Василий Данилович. Подумать только, энто какой же груз агромадный вы на своих плечах тащили. Помяните мое слово, теперича, когда его сбросили, только настоящая жизнь у вас и начинается. Пенсию вам определяет достаточную. Тут не может быть никакого сомнения. Детишек вы уже пристроили. Сиди себе на скамеечке да семечки лузгай. (Здесь Василия Даниловича слегка передернуло.) А то, когда вечер теплый, как хорошо в лото поиграть! Да и потом, я вам скажу, у нас в Обрадовске на вашем посту никто своей смертью не помирал. Всех сымали. Бывальгча, страшно вспомнить, все с треском, да каким! А вас-то по-тихому отстранили, разве что по радио оглашение сделали. Но не обидное, без всяких там разъяснений про ваши художества. Просто коротенько так сказали, что, мол, освобожден от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию по личной просьбе с учетом мнения избирателей...

При этих словах Василий Данилович вдруг почувствовал, что из него будто какой-то пар выходит.

«Неужели прав был Суслопаров?» — с тоской подумал он и судорожно защемил ноздри большим и указательным пальцами левой руки, а ладонью правой плотно зажал рот. Тщетно! Неведомый пар заструился из ушей. Холодея от догадки, что свершается непоправимое, Василий Данилович явственно ощущал, как его персону претерпевает весьма нежелательные и обидные превращения: тело теряет упругость, обмякает, а голова наливаются тяжестью простых, неуказующих мыслей.

«Эй, кто там наверху!» — мысленно возопил он, задирая голову. — Не дай иссякнуть до конца!»

Нет, пронзительный читатель, ты ошибаешься! Автор отнюдь не намерен отдавать дань чертовщине и мистике, без которых не обходится ныне ни один уважающий себя писатель-реалист. Все обстоит гораздо проще. Впрочем, чтобы ты до конца понял суть перемен, испытанных Василием Даниловичем Гамовым при известии о снятии его с высокого поста, мне придется сделать еще одно отступление и хотя бы вкратце ознакомить тебя со взглядами на интересующий нас предмет В. И. Суслопарова, который в тот трагический момент совсем не случайно вспомнил бывшему мэру.

Тетка и один из ближайших сподвижников Гамова, теперь уже тоже бывший начальник районного управления внутренней культуры населения, Василий Иванович Суслопаров слыл в нашем городе большим философом. В ходе служебных пикников, когда наступала пауза, вызванная необходимостью предаться блаженной истоме после отведывания уха по-обрадовски, он любил потолковать о вещах возвышенных, эфемерных, не поддающихся грубому осязанию. В частности, мне довелось слышать его рассуждения о том, надо ли общественной мысли биться ключом или достаточно ей просто дерзать, какой импульс лучше — творческий или новый, мощный, где кончаются нравственные начала и начинается духовное благосостояние. Но, что, конечно, понятно и извинительно, все свои философствования Суслопаров неизменно сводил к разговору о некоей, открытой лично им администраторской субстанции, которая только одна и отличает начальствующий состав от подчиненных.

— Будучи воинствующим материалистом, — не совсем внятно начинал он, дохрустывая севрюжий хрящик, — я предпочитаю термин «субстанция», хотя для простоты изложения вполне приемлемо и бытовое расхожее понятие «администраторский дух». Так вот, если человек обделен им, ему никогда не занять даже самого маленького руководящего кресла. И ведь народ — шапку перед ним надо снять! — это давно подметил. «Ишь, надулся!» — говаривал русский мужичок в эпоху крепостного права о старосте, или бурмистре, или еще каком выдвигенце. Вслушайтесь: на-дул-ся! — Василий многозначительно поднимал указательный палец. — Значит, вдохнул что-то и как бы задержал дыхание. А теперь, товарищи, давайте без ложной скромности посмотрим на самих себя. Все мы люди разные, кого, как говорится, бог наградил умственными способностями, кого — какими другими, случается, у иного администратора и вообще никаких свойств и качеств не видно, а тем не менее каждый, согласитесь, чувствует себя приподнятым в глазах окружающих. И приподнимает его этот самый администраторский дух. Так как он придает легкость, то можно предположить, что это какая-то газообразная субстанция, а может, и вообще пока еще неизвестный элемент системы Менделеева. Впрочем, не собираюсь отбивать хлеб у физиков и химиков, ведь наше, философов, поле деятельности — сфера чистого разума...

— Гм, весьма любопытная теория, — улыбался очередной представитель центра. — У нас в столице мыслителей, кажется, хоть отбавляй, и деньги государство им платит немалые, а вот до такого еще никто не додумался. И ведь есть резон в ваших рассуждениях, право же, есть...

— Товарищ Суслопаров у нас вообще горазд на идеологические придумки, — подавал тут реплику Василий Данилович. — Вот вы давеча, Александр Ильич, одобрительно отозвались о нашем почине «Каждому коллективу — надлежащий микроклимат!». Так это тоже идея Василия.

— Да, с микроклиматом у вас действительно занятию получается, — благосклонно кивал головой Александр Ильич. — Но, знаете, эта теория насчет администраторского духа очень и очень заманчива. Только вот, уважаемый товарищ философ, — тут следовала снисходящая, но с оттенком изысканности, улыбка в сторону Суслопарова, — замыкаться в сфере чистого разума в наше динамичное время непозволительно. В свете последних указаний, теория без практики — это некоторым образом витание в облаках, и нашей философской мысли давно пора спуститься на грешную землю...

— Она спустится, Александр Ильич, обязательно спустится, — стремительно вступал в разговор мэр, видя, что высокий гость вроде бы начинает выражать неудовольствие. Кто его знает, может, в студенческие годы какой-нибудь философ оскорбил его действием, или на свой счет принял он, по правде сказать, не совсем корректное высказывание Суслопарова об абсолютном отсутствии у иных администраторов каких бы то ни было способностей, только от греха подальше, справедливо рассуждал Василий Данилович, надо срочно «менять пластинку». И он призывно хлопал в ладоши. — Как там, Никодим Иванович, шашлычок готов у нас?

— Всенепременно! — отзывался лирическим тенорком уже знакомый нам Капустьянц, неперменный участник всех неофициальных вылазок на лоно природы.

— Как, еще и шашлычок?! — постанывал высокий гость. Но постанывал как-то расслабленно и обреченно, понимая, что от судьбы, как говорится, не уйдешь, и придется претерпеть, дабы не обидеть радушных хозяев.

— Да вы не беспокойтесь, — успокаивал Василий Данилович. — Шашлык товарищ Капустьянц готовит по рецептам своих предков, и получается он вроде той воздушной субстанции, о которой Суслопаров только что вам докла-

дывал. Сам растает во рту, и не заметите. А для удобства пищеварения — компания у нас мужская, стесняться некого — ремешочек лучше расслабить.

— Уж если так, можно рискнуть, — покорно вздыхал посланец центра и расслаблял ремешок, одновременно стараясь расстегнуть и верхнюю брючную пуговку, потому как предчувствовал, что одним шампуром тут не обойтись...

Конечно, шашлык в исполнении Никодима Ивановича Капустьянца заслуживает более подробного описания, как, впрочем, и уха по-обрадовски. Автор даже знает рецепты этих аппетитнейших блюд и посвящен в секреты их приготовления. Однако не за тем взялся он за перо, чтобы утереть нос Похлебкину, им движут совсем другие помыслы, определить которые предоставим право вездливому критику. А сейчас позвольте завершить эпизод, долженствовавший, как, надеюсь, помнит читатель, лишний раз подтвердить, что дыма без огня не бывает и к слухам надо относиться с уважением, какими бы нелепыми они нам порой ни казались.

...Видя, как на глазах у нее теряет монументальность, тускнеет, скукоживается еще пять минут назад величественный мэр, дворничиха огорченно всплеснула руками:

— Ах ты, господи, прости меня грешную. Не думала я, старая, не ведала, что так шибко вы, Василь Данилович, напужаетесь. По глупому своему соображению, уверена была, что вы уж, поди, давно подготовлены к этой судебной превратности. (В скобках замечу, что ни до какого суда, как о том мечтали некоторые пыльные и легкомысленные обрадовцы, дело с бывшим нашим мэром не дошло. Просто Екатерина Петровна в силу необходимости соответствовать речевой характеристике, навязанной ей автором, говорит так о превратности судьбы.) Слухи-то про вас, считай, с год как ходят.

Да, если уж слухи о снятии самого Гамова, как мы знаем, полностью подтвердились, то надо ли удивляться, что изустное сообщение о волке, обосновавшемся чуть ли не в самом центре Обрадовска, большинством населения нашего города сразу же было принято на веру без сомнений и колебаний. Ну, а уж когда в «Вечернем звоне» появилась заметка местного краеведа и историографа Э. К. Утлогузова «Здравствуй, санитар леса!», тут даже записные скептики прикусили языки.

Глава 2

«А ты не хочешь высказаться?» Коварный удар сапогом. О культуре дискуссий. Любимое блюдо Жозефа Луи Гей-Люссака. Опора на творческие кадры.

Забегая вперед, скажу, что с санитаром леса оказалось не все так романтично, как живописал наш неистовый радатель экологического единения. К слову сказать, Эдуарда Каллистратовича заносило весьма частенько, а посему после его публикаций приходилось на страницах «Вечернего звона» помещать читательские отклики про и contra, которые ответственный секретарь редакции Анатолий Карпович Бескорыстных, пытаясь завлечь недоверчивого подписчика, снабжал интригующими рубриками: «Хочу поспорить», «А у меня другое мнение», «Рассудите нас, люди!», «Ищем истину», «Читатель одобряет, сомневается, негодует», «А ты не хочешь высказаться?», «Параметры гласности». Впрочем, последний плод напряженного журналистского поиска нерадивым наборщиком был переименован в «Периметры гласности», в каковом виде и закрепился в газете, так как появление новой актуальной рубрики было сразу же замечено и благосклонно одобрено самим Василием Даниловичем Гамовым. Когда же его референт Ванюша Онучин робко, но не без ехидства, намекнул мэру, что в «Вечернем звоне», наверное, имели в виду все-таки не периметры, а параметры, Василий Данилович со свойственным ему демократизмом рассудительно заключил: «А не один ли хрен?»

Не знаю, согласится ли со мной читатель, но сейчас, пожалуй, самое время вспомнить о том, какой накал страстей вызвал в прошлом году совершенно невинный, на первый взгляд, фенологический этюд Утлогузова «Росистыми тропами». Повествуя о грибной поре, о «скромных утехах и тихих радостях грибоволов» (Эдуард Каллистратович в своих опусах любил щегольнуть неологизмом), автор в заключение, между прочим, посетовал, что «иной обрадовец за доблесть почитает с высокомерной ухмылкой обрушить сапог на доверчивое создание природы — мухомор, который в отличие от большинства своих лесных собратьев не прятается от людей, а, напротив, без всякой опаски так и норовит попасться нам на глаза, и яркая окраска его будто молит призывно: «Возьми меня в лукошко, человек-труженик!»

Видно, трогательная эта картина до того распалила краеведа, что он подавил в себе внутреннего цензора и исторг из глубин сознания и души следующие далеко не однозначные строки:

«И на эту немую мольбу следует коварный удар сапога. Так и хочется крикнуть: «Остановись, занесенная нога! Ты же ничего не знаешь об этом пластинчатом. Ведомо ли тебе, к примеру, что французы всем другим грибам предпочитают именно мухомор? Не только за его нарядный, праздничный вид, но и за обилие в нем микроэлементов и витаминов, впитывая которые наливается бодростью ослабший организм. Отринь свою национальную кичливость и задумайся: неужели народ, давший миру Вольтера и Бальзака, Бизе и Дебюсси, Делакруа и Ренуара, Гей-Люссака и Реомюра, Наполеона, наконец, при всем, конечно же, критическом отношении к этой крупной исторической личности, неужели стал бы этот великий народ употреблять в пищу что-нибудь заведомо несъедобное?»

Неудивительно, что этот пассаж взбудоражил широкую общественность славного райцентра, и она засыпала редакцию «Вечернего звона» письмами-откликами. Причем авторы их заняли диаметрально противоположные позиции — они или горячо одобряли или гневно негодовали. Сомневающимся не было. Анатолию Карповичу пришлось изрядно потопеть, чтобы привести в удобочитаемый вид выплеснувшиеся на бумагу эмоции обрадовцев, равно как восхищенных, так и разъяренных Э. Утлогузовым.

Продолжение следует.

Крокодилу, конечно, медведь на уши не наступал — по причине отсутствия последних, — но и разобраться в том ворохе писем, которые пришли для новой рубрики «Вы просите песен?..», быстро не смог. Поэтому он обратился к давнему своему другу, народному артисту СССР, а по совместительству — писателю-юмористу Н. В. Богословскому (который, кстати, уже возглавлял 12 лет назад песенный конкурс нашего журнала) с просьбой взять в руки крокодильскую дирижерскую палочку. Никита Владимирович согласился.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Из репертуара группы «Электроклуб»

Музыка Д. ТУХМАНОВА
Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО

Мы целовались много раз в подъезде вашем
И были счастливы, что лампочка разбита.
Но появился этот самый, умный, важный —
И всё хорошее тобою позабыто.

Припев:

Тут маме жаловаться поздно,
И глупо жаловаться папе.
Ну как же сразу я не понял,
Что дело в шляпе, дело в шляпе!

Хожу я в джинсах и кроссовочках потертых,
А он — при галстукке, при шляпе, при машине.
Таких поклонников послать попробуй к черту,
Такие мигом купят всё, что на витрине.

Припев.

Я зря страдаю по твоей короткой челке,
Не для меня все эти свадебные марши.
Вы все влюбляетесь в ровесников, девчонки,
А выбираете в мужья парней постарше!

Припев.

Кому жить в Доме?

Мой отпуск начался 21 июля 1988 года в тесной комнатке повидавшего виды деревянного особняка — с прогнившими полами и несветящейся грязью, граничащей с потоком в местах, извините, общественного пользования... Нет, это не описание приморской хибары, сданной «диному» отдыхающему в разгар пляжного сезона. Описанные «хоромы» были предоставлены мне и моей семье на время творческого отпуска в Доме творчества кинематографистов «Репино».

Неужели столь нище Ленинградское отделение Союза кинематографистов, что не может обеспечить своим членам иных условий для работы и отдыха? Нет, конечно. После вмешательства представителей жилищно-бытовой комиссии ЛО СК нас перевели в один из благоустроенных номеров.

Однако спустя несколько дней директор Дома творчества А. Генделев решил переселить нас на прежнее место. После моего отказа (покупая путевку, я сполна уплатил именно за проживание

в благоустроенном помещении) 2 августа им был вызван наряд милиции для насильственного выдворения моей семьи. Вместо нас предполагалось вселить работника завода «Равенство», связанного с Домом творчества чисто хозяйственными и никак уж не творческими отношениями.

Это, увы, не единичный случай и не факт, так сказать, фатального личного невезения. В справке о результатах проверки Дома творчества Управлением внутренних дел Сестрорецкого райисполкома, проведенной еще 25.04.88 года, прямо указано, что только в феврале — апреле 1987 года в ДТК «Репино» проживало 170 человек, не являющихся членами СК СССР.

Уместно ли превращать Дома творчества в своего рода бюро по обслуживанию пусть не очень творческих, но зато очень «нужных» лиц?

М. ЩЕДРИНСКИЙ,
член Союза кинематографистов СССР.

Поиск сокровищ

(Маршрут автобусной экскурсии по храмам Очамчирского района Абхазской АССР. Экскурсантам необходимо захватить пляжные полотенца и купальники.)

Осмотр памятников начинается с обзора Моквского собора.

Экскурсанты выходят из автобуса и легким пружинистым шагом взбираются на небольшую возвышенность, где расположен памятник культуры X в. Не задерживаясь возле храма, группа устремляется прямо на живописный берег реки Моквы. Затем экскурсовод достает книгу И. Адзинбы «Архитектурные памятники Абхазии» и громко зачитывает: «Моквский храм отличается богатством и великолепием. Мраморная алтарная преграда его, с колоннами и украшениями, круг красного мрамора с исходящими лучами посередине пола были чудом искусства и великолепия».

Группе предлагается расстелить пляжные полотенца, натянуть купальники и нырнуть в речку Мокву, куда после недавней реставрации храма, произведенной с ведома отдела культуры райисполкома, были выброшены упомянутые украшения и фрески. Возможно, среди экскурсантов и найдется счастливчик, который выгадает на память осколок барельефа или редкого камня.

Далее все возвращаются в автобус, минуя храм, после реставрации интереса для посетителей не представляющий.

Наш автобус мчится вдоль зеленой дорожки прямо к Драндскому собору XIII в. На холмистой равнине, ограниченной с востока и запада обрывами, посетителям предлагается расстелить пляжные полотенца и усесться для неболь-

шого пикника. Добротные стены храма, возведенные из кирпича больших размеров, надежно охраняют закусьивающих от ветра. Никакого иного интереса для экскурсантов храм не представляет, поскольку после реставрации его стены замазаны толстым слоем современной штукатурки, надежно похоронившей остатки старинных росписей.

Но вот пикник окончен, и повеселевшие, взбодрившиеся экскурсанты готовы к осмотру Илорийского монастыря XI в.

Отогнав кур, полюбивших эти места за уединенность и тишину, экскурсовод предлагает расстелить пляжные полотенца. Именно лежа можно разглядеть остатки изящных орнаментов, еще сохранившихся под окнами западного фасада. А все, что выше, плотно забито пылью столетий.

Завершающий этап экскурсии — посещение Очамчирского райисполкома. Здесь изумленные экскурсанты узнают, что ни один профессиональный реставратор в районе не появлялся. И тогда добросовестные строительные рабочие из Очамчир, призванные отделом культуры района на реставрационные работы, отремонтировали свои высокогорные храмы попросту: почистили стены, подмели полы, а исторический мусор свалили в реку.

Под особо впечатлительных экскурсантов рекомендуется подстелить пляжные полотенца.

Описание маршрута подготовили
И. ВЛАДИМИРОВА, К. УБИЛАВА.

Незавидное постоянство

Казалось бы, безвозвратно канули в Лету те времена, когда генетика была псевдонаукой, а кибернетика — лже... Однако нет-нет, да и мелькнет еще на горизонте призраки прошлого. В НПО «Росмузпром», например, до сих пор вздрагивают, слыша слово «эргономика».

А слышать приходится без малого уже тридцать лет. Ровно столько пытается наш читатель — баянист В. Б. Сарычев из Москвы «со товарищи» убедить «Росмузпром», казалось бы, в очевидном: в том, что в наш «энтээрровский» век без науки не обойтись.

Впрочем, против «науки вообще» музпромышленники не возражают. Целый отраслевой институт — НИКТИМП — серое вещество напрягает, обеспечивая им науку.

Но при слове «эргономика» и в институте начинают озираться, подозревая идеологическую диверсию.

Может, путают эргономику с эротикой? А может, затвердили лозунг: «Конструктивно наши баяны — одни из лучших в мире» — и дальше этого видеть не хотят?

Впрочем, наши баяны действительно и звучат неплохо и внешне очень даже смотрятся. Будь баян предметом мебели — нарасхват бы шел. Но он — инструмент. И, к несчастью, музыкальный. И, значит, должен играть. А это непросто, когда весит почти 16 кг.

— А вы как хотели? — удивляются в «Росмузпроме». — Чем совершеннее баян, тем он весомей и неудобней для исполнителя. И пудовища

эти, как самые совершенные, предназначены для гроссмейстеров своего дела, для метров и километров. А они на эргономику не жалуются!

И, действительно, не жалуются километры — привыкли. Да и трудно не привыкнуть, когда «Росмузпром» с младых ногтей приучает к своему пониманию совершенства. Возьмем детский баян — там гриф неудобный, здесь — форма кнопок... А клавиатура на обоих такая, что пальцы так и норовят между кнопок проскочить... И все это в соответствии со «стандартом».

Казалось бы, выход сам собой просится: провести эргономические исследования, внести изменения в ширпотребовский стандарт. Ведь не люди для ГОСТа, а он для людей!

Но у музпромышленников своя логика. Даже на Западе, говорят они, даже на трижды передовом Западе, не говоря уж о Севере, Юге и Востоке, не проводится подобных исследований. Вот когда там начнут, определят «мировые стандарты», тогда и начнем догонять и доблестно перегонять. В ГДР, например, баяны удобнее, а звучат хуже наших. Как тут быть?

Мы бы, конечно, могли поделиться советом. Например, почему бы не обменяться с ГДР опытом? Почему не скооперироваться, скажем, и не выдать на-гора совместный, отлично звучащий и эргономически грамотный баян? Но для этого надо прилагать усилия... что-то менять... а жизнь и без того тяжела — как отечественный баян.

Константин ЛИТВИНОВ.

АЗБУКА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Из «Юмористического словаря»
Звана Эзара, США.

Ё, Ж, З, И.

Ёж — доисторический транспортер яблок и прародитель панков.

Животное — существо, стоящее на более низкой ступени развития, чем человек, лишь потому, что не отрывает у жизни больше, чем достаточно для существования.

Жираф — африканский небоскреб или высшая форма животной жизни. Единственное из живых существ, которое в состоянии твердо стоять на земле, в то время как голова его витает в облаках.

Заграница — это все вокруг нас, но хуже, чем у нас, потому что: а) если это развивающиеся страны, то там опасно пить свежую воду, б) если развитые — то дышать свежим воздухом.

Земля — место, где дела становятся все хуже и хуже лишь потому (по мнению простаков), что средства массовой информации работают все лучше и лучше.

Зигзаг — ближайшее расстояние между двумя барами.

Золотое правило — его суть очень проста: у кого есть золото, тот и правит.

Идеальная жена — женщина, на поиски которой мужчина тратит львиную долю своей жизни, а в перерывах женится.

Идеальный муж — у которого хватает соображения, чтобы заработать кучу денег, но оно ему изменяет, когда он приходит домой и все это отдает жене.

Идея — то, чего нельзя объяснить идиоту, и то, чего из его башки ничем не вышибить.

Индивидуалист — независимый человек, всю жизнь пытающийся ограбить себя от попыток своего правительства позаботиться о нем.

Инфляция — период, когда ничто не выходит из моды так быстро, как цены.

Информация — знания, которые вы приобретаете, когда ищете совершенно иные.

Перевел А. БЕНЮХ.

Продолжение. Начало в №№ 8, 11, 15, 18, 22, 27 за 1988 г.

Слова, слова...

Порой, только настояв на своем, понимаешь, что не там стоял.

Трюизм навсегда в очереди.

Человек может все! Особо можно делать вид, что все может.

Деловой трюизм.

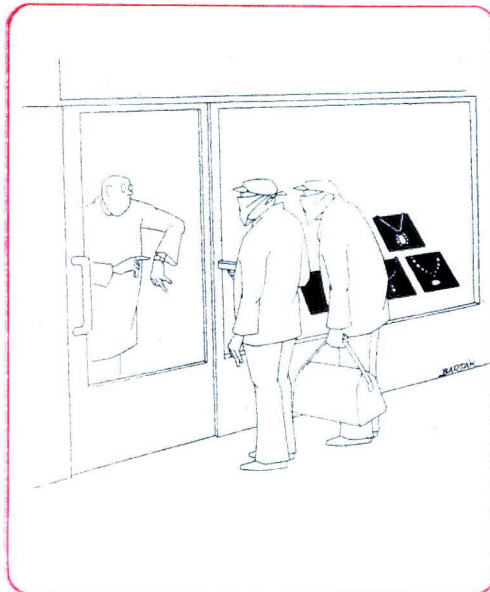
Если бы не было грешниц, с кого бы писали богинь?!

Ремарка Хефнера, редактора «Плейбоя».

Хорошо знает себе цену тот, кого купили.

Шутка, актуальная как в рабовладельческое, так и в наше время.

Предлагаем вниманию читателей рисунки из серии юмористических карикатур «WIT», что в переводе с английского означает «остроумие». Издается эта серия в Нью-Йорке под редакцией известного американского художника Джерри Робинсона. В этом Джерри помогают мастера карикатуры из разных стран. Итак, перед вами — плоды «Остроумия».

Мирослав БАРТАК, Чехословакия.

Лу МАЙЕРС, США.

ЗОЗО, Польша.

Сергей ТРАЙКОВ (Болгария)

КАК ВСЕ

Оперный театр полон. Программки распроданы, прочитаны, а предварительный обмен мнениями по поводу предстоящей премьеры завершен. Зрители с нетерпением ждут начала.

В этот вечер впервые на сцене должна идти новая опера с броским названием «Возвращение агронома Милойкова в деревню, где вместе с дояркой — комсомолкой Десиславой Десиславовой он пропагандирует среди кооператоров передовой опыт, в результате чего повышаются не только надои молока, но и культура сельхозработ в целом».

Уже двадцать минут восьмого, но занавес еще не поднят. Публика шумно выражает свое недовольство. В семь тридцать в театр влетает заспанный исполнитель главной роли тенор Цветанов, на ходу начинает переодеваться, и через десять минут представление начинается.

Все шло нормально, пока в середине первого действия колоратурное сопрано Анна-Мария Шнайдер-Груева, исполняющая партию молодой доярки, на полуслове не оборвала арию о нехватке фуражных кормов, потому что просто забыла текст. Напрасно бросала она взгляды на будку суфлера — тот пять минут как ушел в кулинарию, куда завезли свежие бараньи потроха.

В конце действия тенор-агроном вдохновенно начал обличать баса Генева, который исполнял роль отрицательного героя — животноводца-ретрограда Спасы. Но бас Генов терпел укоры не более минуты. Потом посмотрел на часы, хлопнул себя по лбу и заторопился к зубному врачу.

Антракт между действиями продолжался тридцать пять минут. После звонка артисты неохотно потянулись на сцену. Так же неохотно они начали второе отделение, но постепенно втянулись. К сожалению, первый альт оркестра — Эвелина Руева так и не смогла закончить до конца каватину о посадке картофеля квадратно-гнездовым способом, потому что ее позвали к телефону. На свое место она уже не вернулась — нужно было срочно ехать домой к заболевшему ребенку. (В интересах истины следует пояснить, что у нее на самом деле был ребенок, но далеко — в солнечном Артеке на каникулах.)

К концу второго действия агроном, исполняя грустную арию, начал искать молодую доярку, но так и не нашел: Шнайдер-Груева уже ушла через служебный вход — опаздывала в бар «Центавр», где она в программе пела цыганские романсы.

Не найдя своей доярки на сцене, тенор-агроном сделал вид, что пошел искать ее за кулисами, а сам за рекордно короткое время переоделся, схватил букет цветов, принесенный специально на премьеру с запиской: «Не забывайте о нас — коллектив третьей психиатрии», и рванул на свидание.

Рабочий театра увидел, что сцена пустая, подождал еще пять минут и опустил занавес. Публика повалила из зала с улюлюканьем и криками вернуть деньги.

А артисты просто решили провести один рабочий день как все остальные люди...

Перевел Игорь ИЛИНГИН.

Джанни РОДАРИ (Италия)

СУДЬЯ СПРАВЕДЛИНИ

Как и все арбитры на свете, судья Справедлини не меняет своих решений. Даже если он и ошибается, нужно уважать его ошибки и тут же подчиниться его требованиям.

Чудовищная ответственность.

Сегодня он, правда, не в лучшей форме, и свисток его визжит как оглашенный, сводя с ума и игроков, и болельщиков.

Вот вместо команды «штрафной удар» свисток прошепелявил «страстной удар».

— А как его бить? — недоуменно спрашивают наши противники.

— Как хотите, — отвечает арбитр.

Посоветовавшись, команда прикрепила к футболке своего девятого номера крылышки ангела, сунула в руки несколько веточек вербы, и он, разбежавшись... чуть дотронулся до мяча, который взмыл над трибунами и растаял в небе. Нужен новый мяч. Через несколько минут игра возобновляется, и пока все идет гладко. Вдруг чудовищный свисток сеньора Справедлини вывистывает: «тринальти». Теперь этот приговор касается нашей команды.

— Вы хотели сказать «пенальти», — в отчаянии взывают к нему ошалевшие игроки.

— Что сказал, то сказал, — с достоинством отвечает Справедлини.

— Но ведь это ужасное наказание, — три «пенальти» подряд.

Игроки нашей команды становятся на колени прямо на зеленом газоне у ног арбитра, целуют его черную шелковую фуфайку, до блеска надраивают свисток.

— Будьте любезны, измените в слове первый слог!

— Ни за что!

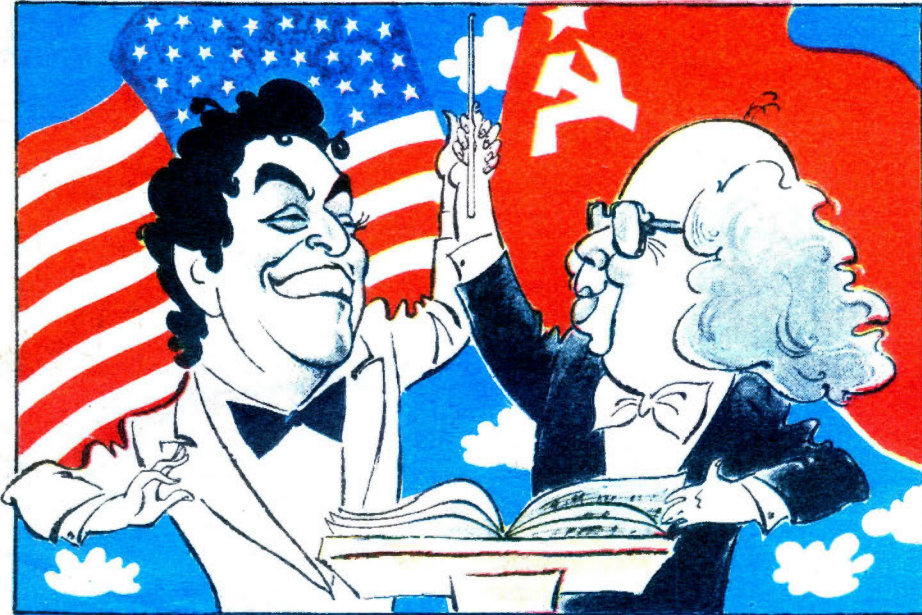
А болельщики кричат: — Судью на мыло! Пусть забрет свой слог и уматывает!

Ведь публика, как известно, не размышляет. На стадион приходят не размышлять, а поорать. Но арбитр неумолим. Тогда все болельщики начинают плакать от злости, и их слезы, стекая в ручейки, водопадками сбегают с бетонных трибун на землю, докатываясь до самой кромки зеленого поля.

Но ничего не поделаешь. «Тринальти» стоит трех голов. Прощай, победа, прощай, Кубок!

Да, за некоторые ошибки приходится платить очень дорого, особенно, когда их совершают другие.

Перевел Л. КАНЕВСКИЙ.

Зубен МЕТТА (США)
и
Геннадий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ (СССР)

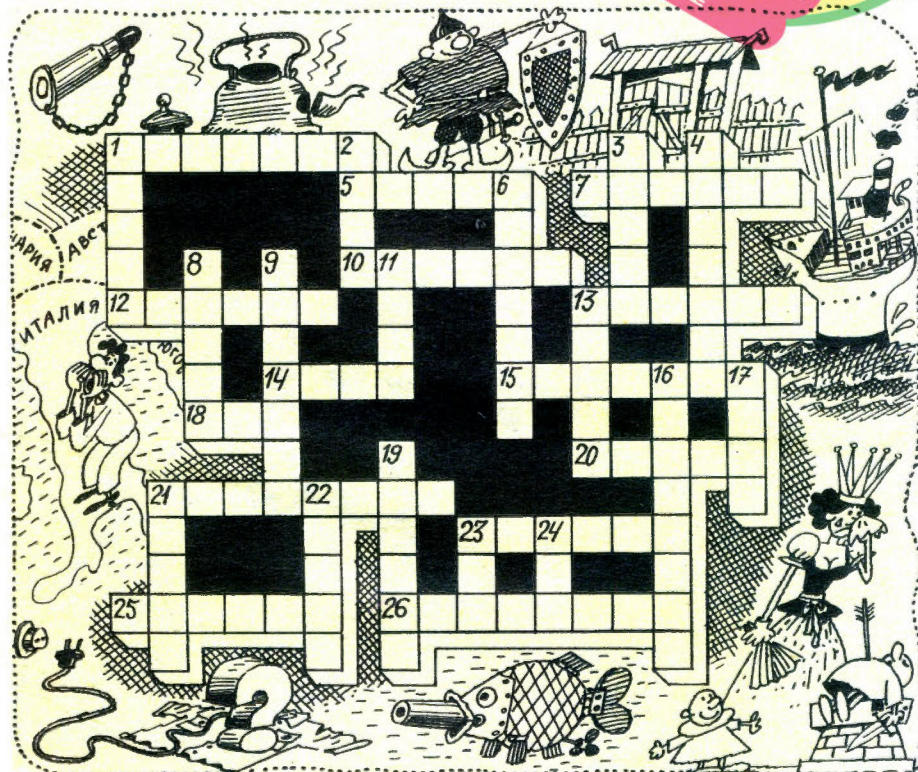
Сближают ноты Запад и Восток,
Рождает музыка взаимные симпатии —
Прекрасный и доходчивый урок
Народной музыкальной дипломатии!
А. СИВИЦКИЙ, Ю. ТИМЯНСКИЙ.
Дружеский шарж И. ЛОСОСИНОВА.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Верх интерьерных возможностей. 5. Хлеб в плоскости. 7. Плаха, используемая для хозяйственных нужд. 10. Занятие на час. 12. Пуля на приколе. 13. Вулкан в Древней Греции (миф.). 14. Прибор, ликвидирующий все замки. 15. Человек с дистанционным мышлением. 18. Военно-морская рыба. 20. Часть песни, которую не выкинешь. 21. Человек, который тратит свободное время на деньги. 23. Средство передвижения в высших сферах. 25. Перевертыш (цирков.). 26. Чайник, который эксплуатируется по-черному.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Очищение в мировом масштабе. 2. Самое верное средство от гласности. 3. Громко по-итальянски (муз.). 4. Подводная застрельщица. 6. Игра, в которой хорошая фигура много значит. 8. Морская болтушка. 9. Единственное, что порой удерживает нас в общественном транспорте. 11. Князь, который любил развешивать щиты на воротах. 13. Средство производства (вокальн.). 16. Прелестница. 17. Место, на котором располагаются по-царски. 19. Геометрические фигуры, которые у нас в крови. 21. Съемная часть свечи. 22. Нормативный акт, писанный не для дураков. 23. Морская острота. 24. Первый киевский дядька.

Составил М. ЛЯШЕНКО.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Дятел. 3. Мажор. 6. Домочадец. 8. Валет. 9. Сырок. 10. Бал. 12. Стадо. 13. Утиль. 14. Али. 16. Веник. 18. Манна. 20. Капустник. 21. Авгар. 22. Аршин.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Долив. 2. Лимит. 3. Мидас. 4. Рубик. 5. Пчела. 6. Дальтоник. 7. Цирюльник. 10. Боа. 11. Луи. 15. Лассо. 16. Ванна. 17. Копер. 18. Манка. 19. Аркан.

КРОКОДИЛИНКИ

Рисунок А. БАВЫКИНА, г. Мурманск.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА.

Рисунок М. СМАГИНА, Челябинская область.

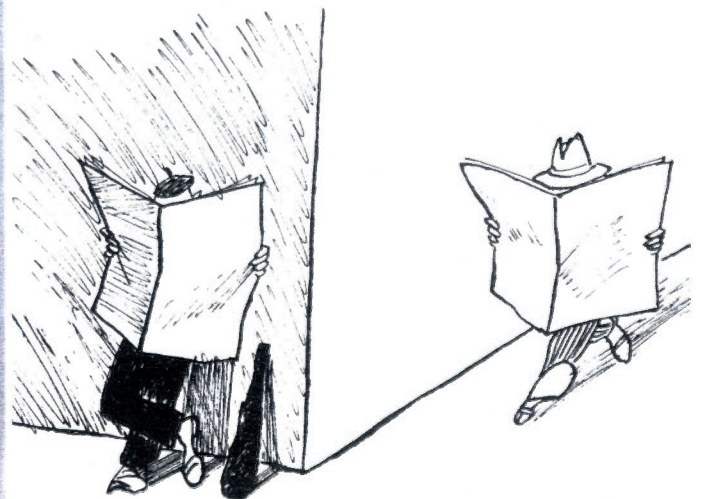

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

ТУРАНДОТ

Ровно в полдень на платформу Савеловского вокзала ступила именитая принцесса. В тот момент еще никто не знал, чем это кончится...

Синицкий-младший застенчиво мял поля канютье и бормотал что-то невнятное. Крокодил уловил только смысл: визитер просил освободить его «по собственному» от заведования рубрикой «Шевели мозговой извилиной» — то ли в связи с неурожаем головоломок, то ли по состоянию здоровья. Огорчившись таким прошением, Крокодил предоставил т. Синицкому академический отпуск на 89-й год: «Отдохните чуток, а возвращаться ли вам на прежнюю службу в 90-м — решат читатели».

В рассуждении, какого бы умника одарить еще одной «Извилиной», Крокодил меланхолично похлопывал хвостом по столу. Легкий стук в дверь оторвал его от любимого занятия. «Круглосуточно открыто — входите!» — вежливо пригласил он.

И не пожалел. На пороге стояла писаная красавица с ярко выраженным восточным уклоном.

— Неужели?! У меня в гостях сама Юлия Турандот?! — от волнения Крокодил что-то напутал.

— Принцесса Турандот, — поднажав на первое слово, поправила красавица. — Юлия Борисова — моя задушевная подруга по театральному кооперативу.

— Прошу в гостиную, к камину... — Крокодил галантно приложился к дверной ручке. — Какими судьбами?

— Да вот по каналу телепатической связи получила экстренную информацию о вакансии у вас вакансии!

— Утверждаю вас завшей «Извилины» даже без характеристики с прежнего места работы!

— Нет-нет, мне хотелось бы предложить новую рубрику. Моя специальность, если помните, — загадывать

хитроумные загадки. Этим я обязана своему незабвенному родителю — фьябисту Карло Гоцци.

— Загадки — это заманчиво. Но ведь ваши — широкого профиля, я же опеаю только сатиру и юмор.

— Значит, и загадки будут о смешном. Точнее — о соответствующих жанрах в литературе и искусстве, причем всех времен и народов. Вот какой необозримый фронт «работ» откроется перед вашими читателями — любителями смеха!

— О, принцесса, вы слышаны не только о Плавте, но и о Славкине?!

— А то! Но я лишь для начала загадаю несколько загадок, а дальше пусть их ПРИДУМЫВАЮТ САМИ ЧИТАТЕЛИ.

— Как?! И придумывают загадки и разгадывают их мои читатели?!

— Именно так. Полистав книжки, изоальбомы, посмотрев спектакли, кино- и телекомедии, ЧИТАТЕЛИ СОЧИНЯЮТ ВОПРОСЫ РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ КАВЕРЗНОСТИ И ПРИСЫЛАЮТ ИХ В ЖУРНАЛ, СОПРОВОЖДАЯ ПРЕДЕЛЬНО ТОЧНЫМИ ОТВЕТАМИ (с указанием источника). Самые интересные вопросы, — а уж мне ли не знать в них толк! — я буду рекомендовать для публикации.

— СЧАСТЛИВЧИКОВ Я ПООЩРЮ МОРАЛЬНО (обнародованием имени) И МАТЕРИАЛЬНО (гонораром). Остальные же знатоки юмора, если я правильно вас понял, отгадывают загадки в тиши своих квартир и служебных кабинетов, в транспортной давке и отпуском просторе, испытывая при этом чувство глубокого морального удовлетворения, так?

— Да, но КАЖДЫЙ ЭРУДИТ МОЖЕТ БЫТЬ ЕДИН В ДВУХ ЛИЦАХ — И ОТГАДЧИКОМ И ЗАГАДЧИКОМ одновременно: ответил на чужие вопросы — сочиняя свои.

— Как это, должно быть, увлекательно — сочинять загадки! У меня просто лапы чешутся — до того хочется зарыться в книги.

— А распутывать чью-то хитрость разве не азартное занятие! Тем более что участники нашей интеллектуальной игры (а в нее веселее играть на основе семейного и коллективного подрада) смогут САМОСТОЯТЕЛЬНО ОПРЕДЕЛЯТЬ СТЕПЕНЬ СВОЕЙ ЭРУДИЦИИ, НА-

ЧИСЛЯ СЕБЕ БАЛЛЫ ПО ПРЕДЛАГАЕМОЙ НИЖЕ СИСТЕМЕ.

— А если никто не осилит какую-нибудь загадку?

— Могут ли 5 млн. ваших читателей чего-нибудь не знать! Но если такое все же случится, их выручит мой Вася... Ох, Крокодил, вы заразили меня путаницей: я хотела сказать, что самые зловредные головоломки игрокам поможет одолеть принц Калаф. Ведь только перед ним не устояли мои загадки. Да еще перед Василием Лановым, с которым они на пару обожают загадочных женщин.

— Ну, тогда я спокоен: ответы на загадки будут печататься систематически и неотвратимо... Теперь, принцесса, нам осталось придумать название новой игре. Что вы скажете, если мы присвоим ей ваше имя?

— «Турандот»? Лишь в одном случае я соглашусь на это: если название будет принято без моего участия.

— Нет числа вашим добродетелям, скромнейшая... Итак, данной мне властью ОБЪЯВЛЯЮ ОТКРЫТОЙ НОВУЮ РУБРИКУ «ТУРАНДОТ»! Управлять ею будет сама принцесса, референтом на полставки назначаю принца... Заходите, Калаф, заходите!.. Вы как нельзя кстати: мы с Турандот надумали вас кое-чем обременить...

— Ах, подле Турандот я согласен на любую работу! — И славно!.. Прошу вас, принцесса, загадать нашим читателям свои первые загадки.

— С удовольствием. Как и условились, они будут различаться по каверзости...

КАВЕРЗНОСТЬ I СТЕПЕНИ

Прошу назвать ту строчку песни из мюзикла «Веселые ребята», в которой увековечено прозвище прелестной почтальонши — героини кинокомедии «Волга-Волга»!

(3 балла).

КАВЕРЗНОСТЬ II СТЕПЕНИ

Знакома ли вам, любезный читатель, такая ситуация?

Телеграммы заблуждаются По неведомым путям, Иль совсем не получают, Иль со вздором пог-лам.

Ну-с, и кто же виноват в «телеграфных заблуждениях»? Только не называйте с ходу В. А. Шамшина, министра связи СССР. Василий Александрович лишь следует устойчивой русской традиции, заложенной его предшественниками.

Отрекомендуйте же объект поэтической критики персонально, а кстати, и автора неуверяемого, к нашему общему сожалению, четверостишия.

(6 баллов).

Сударь и сударыня! Не уповайте более на меня, благорасположенную к вам Турандот, и безотлагательно сочиняйте собственные литературно-изо-кино-театральные загадки, таящие в себе знания о прекрасном и великом мире смеха. На конверте после названия журнала обязательно припишите: «ТУРАНДОТ».

КАВЕРЗНОСТЬ III СТЕПЕНИ

«Я спешно приближался к географическому месту моего назначения. Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухолями холмов и черной оспой оврагов. Все было густо посыпано бертолетовой солью снега. Шикарно садилось страшно утопическое солнце.

Крепостническая кибитка, перехваченная склеротическими венами веревок, ехала по узкому каллиграфическому следу. Параллельные линии крестьянских полозьев дружно морщили марлевый бинт дороги».

Чувствуете ли чеканный ритм прозы? Немудрено: в этих строчках встретились три классика — поэт, прозаик и пародист. Ах, мой начитанный друг, так кто же эти трое? (9 баллов).

Оформление Л. НАСЫРОВА.